

НИНА ЯГОДИНЦЕВА

ТЕХНОЛОГИИ ХАОСА

1. Прорва

Трудно, почти физически больно писать: как бы ни повернулись события, время речей закончилось, наступило время формул, в которых каждое слово обретает иной, безмерно тяжёлый вес. И в каждое слово начинаешь вглядываться с тревогой и надеждой, ведь оно было и остаётся — в начале всего, и теперь это ощущается более чем реально.

В детстве я слышала от бабушки, неграмотной поволжской крестьянки, страшное слово “прорва”. В русском языке оно имеет ряд простых бытовых толкований, зафиксированных в словарях. Однако у бабушки, в глубокой крестьянской традиции, оно восходило по смыслу к необъятному, тёмному метафизическому значению, в противопоставление которому я впервые увидела зримые очертания могучего русского Космоса.

Это слово — *прорва* — собрало вокруг себя огромное количество сакральных понятий с противоположным знаком и сделало происходящее в духовной сфере зримым, осязаемым, очевидно понятным. Так возник противопоставленный *прорве* образ — образ многослойной и многоцветной ткани бытия, нити, переплетения и скрепляющие узлы которой держат нас над бездной хаоса (надо бы писать здесь слово “хаос” с большой буквы, отделяя его от бытового беспорядка, но не поднимается на это рука). Так возникло понимание долга человека перед жизнью: беречь эту ткань, ткать её из нитей бытия и штопать прорехи, через которые дышит пламя.

Ткани жизни духотворны и рукотворны. Над ними — непостижимые горни пространства, под ними — та страшная, дышащая огнём и тьмой бездна, куда в последнее время человек заглядывается всё чаще и пристальней, постепенно теряя себя. Ткань бытия ткётся, уплотняется, вышивается цветами и орнаментами, но и истончается, ветшает, рвётся — и в *прорву* начинает дышать хаос.

Это ведь о ней, о *прорве*, о завораживающем и увлекающем на погибель зрелище нечеловеческого мира писал Пушкин многократно перетолкованное литературоведами: “Есть упоение в бою, // И бездны мрачной на краю, // И в разъярённом океане, // Среди грозных волн и бурной тьмы, // И в аравийском урагане, // И в дуновении Чумы. // Всё, всё, что гибелью грозит, // Для сердца смертного таит // Неизъяснимы наслажденья — // Бессмертья, может быть, залог!..”

ЯГОДИНЦЕВА Нина Александровна родилась в Магнитогорске. Окончила Литературный институт им. М. Горького. Кандидат культурологии. Автор восьми поэтических книг. Живёт в Челябинске.

Мы взяли из его никак не маленькой трагедии только уже ставшее общим местом название “Пир во время чумы”, а Пушкин видел много глубже и предрепреждение дал на все времена, в том числе и на нынешние.

В чём же Вальсингам наивно увидел “бессмертья, может быть, залог”? В той самой энергии хаоса, которая зачаровывает и на короткое время дарит иллюзию могущества, а на самом деле обрушивает, сжигает дотла и рассеивает по ветру пепел, но перед этим непременно обольщает всевластием, разрывает все живые нити, соединяющие человека с миром людей, туманит разум, чувства и даже нормальные ощущения: вместо тепла человеку вдруг становится нужно пламя, вместо солнечного света – яростные вспышки, вместо речи и музыки – рёв и грохот. Она очень притягательна, эта энергия, потому что обольщение ослепляет и оглушает, минутное могущество завораживает, а плата за неё “на входе” никак не обозначена, хотя известно от века: в итоге у человека отнимается всё.

И беда в том, что завораживает хаос не только разрушителей! Он завораживает всех, кто хотя бы в малой мере лишён опыта самостояния. Я не говорю о тех, кто сегодня то и дело срывается на истерический крик в бесконечных спорах “за” и “против” – они уже на краю прорвы, – но о тех, кто молча заторожено следит за развитием событий, истончая и ослабляя свою собственную душу бесконечными переживаниями, понимая (или желая думать именно так), что от его участия-неучастия в принципе не зависит ничего. Или наоборот (другая крайность) – начинает рассыпать словеса, полагая, что это и есть неременная его обязанность участия в происходящих событиях. И тоже растрачивается душевно, и на эту массовую, трудно восполняемую растрату как раз и делается ставка!

Ведь информационные войны рассчитаны не столько на переубеждение, сколько на банальное истощение человеческого ресурса самостояния и культуры. Не случайно ведь общественное сознание целенаправленно расшатывают именно осенью и весной, когда массовая его составляющая наиболее уязвима в силу объективных причин: обольщают открытием желтушных “тайн”, подпитывают грядущими ужасами, внушают полуправду и, наконец, только в финале взывают к разуму – перегруженному, сбитому с толку, растерянному... Как тут не потянуться к стихийной силе, как не поддаться ураганной ненависти и желанию самолично навести в мире свой собственный порядок...

Пушкин оставляет финал открытым. Романтики вслед за Вальсингамом дружно затягивают гимн чуме, то есть в простоте душевной воспевают стихию хаоса, восторгаясь его могучей слепой энергией; моралисты толкуют о неуместности пира в условиях социокультурного и геополитического кризиса, прагматики ловят рыбку, пока вода мутна, и чем мутнее, тем лучше; но кто осмелится воочию увидеть и сознательно осмыслить бездну, уже очевидно огнём дышащую в распахнувшейся прорве?

Кто посмеет понять открыто и прямо, сколько безмерного труда потребуются, чтобы закрыть эту бездну, протянуть через неё спасительные нити человеческих чувств, слов и дел, скольким людям придётся пожертвовать личным, чтобы исцелить общую ткань жизни, сделать её спасительно прочной – для других теперь уже поколений?

Помните, Вальсингам в последний момент, после слов Священника, остаётся “погружённым в глубокую задумчивость”? А ведь и правда: так ли просто опомниться и сделать выбор между могучей энергией хаоса, рвущейся в прорехи бытия, и очевидной слабостью одинокого личного противостояния безумству стихии?

Но дело не только в этом. Вопреки всем сомнениям, бывает достаточно поступка, жеста, слова – самостоятельного, человеческого, – чтобы хаос начал отступать. И как бы ни казалась чудовищно могущественной его сила, именно человек выпускает её на свободу или заточает обратно в бездну. В этом смысле каждый из нас – ключ и замок для хаоса.

Не обольщаясь ни ужасом, ни восторгом, не вовлекаясь в водовороты гибельной стихии, образовавшуюся прорву предстоит закрывать каждому – всей мерой своих человеческих сил. Да, душа надрывается на непосильном. И намеренно надрывают её – непосильным. И опять я обращаюсь к опыту своего рода – я, горожанка во втором поколении, вспоминаю спасительную крестьянскую мудрость: делай перед Богом то, что ты можешь сделать, и оставь на волю Божию то, что тебе неподвластно. И кланяюсь роду и народу своему за эту мудрость.

Это ключ и замок для хаоса. Здесь побеждает именно самостояние. Неважно, какой мерой духовной силы ты наделён – большой или малой, – важно другое: ты её чувствуешь и понимаешь, что можешь сделать именно ты.

Ведь хаос всегда присутствует в нормальной жизни. И всегда начинает прорываться точечно. И всегда стремится нарушить необходимую для нормальной жизни меру своего присутствия – в свою же пользу. И оправдать себя жизненной необходимостью. Но когда мера хаоса приближается к опасной черте – каждая, даже самая тонкая нить в ткани бытия становится главной, несущей человеческое над адской прорвой.

Этот подвиг никогда не бывает одиночным. Он под силу только целому народу, имеющему волю к жизни, хранящему не просто культуру и хозяйственный уклад, но цельный, неделимый Космос своего бытия. О героях лживых американских киномифов, о тех, кто лихо спасает мир в одиночку, пора прочно забыть – нет у этой молодой культуры совокупного метафизического опыта бытия, а есть авантюризм исторический и мистический, дерзко рвущий и жгущий сотканное другими за века и тысячелетия.

Есть и достаточно старые культуры, отягощённые не только опытом, но и жадной всевластия, и неизбежной оборотной его стороной – тайной волей к смерти. Их метафизический опыт обременён вирусом самоуничтожения, но они способны легко вовлечь в свои гибельные коллизии всё человеческое сообщество.

То, что технологии хаоса сегодня взяты на вооружение строителями нового миропорядка, – чудовищная гибельная авантюра, и даже не потому, что кем-то присваивается право решать судьбы народов и культур (хотя и это, конечно, тот ещё вопрос!), а потому, что хаос неуправляем в принципе.

Уже и сами экспериментаторы видят, что его не удаётся контролировать. Там, где ткань жизни достаточно прочна, её приходится взрывать и жечь, но чаемый новый порядок установить не удаётся: в конце концов, волей-неволей приходится и самим включаться в борьбу со всепожирающим хаосом. Там, где процессы разлада и распада долго и тщательно готовятся и целенаправленно запускаются, они идут опережающими темпами, и всё стремительно выходит из-под контроля и приводит в непредсказуемые тупики и на край непредсказуемой пропасти.

Управляемый хаос – смертельная иллюзия, расчёт беглый и поверхностный, с последствиями неизбежными и скорыми.

Но снова возвращаемся к главному: мере душевных сил каждого, кто хочет жить и служить жизни. Не надо заглядывать в пылающие прорвы – там нет ничего человеческого, там всё многократно превышает человеческую меру сил и потому может погубить человека стремительно и безвозвратно.

Те, кому дано провидеть эти бездны, испытывают не истерический восторг пушкинского Вальсингама, а глубокую скорбь Священника, взывающего к самому дорогому – родственным кровным узам, священному образу матери: *“Иль думаешь, она теперь не плачет, // Не плачет горько в самых небесах, // Взирая на пирующего сына, // В пиру разврата, слыша голос твой, // Поющий бешеные песни, между // Мольбы святой и тяжких вздыханий? // Ступай за мной!..”*

Вот это, кровное – мать, Родина – не даёт заблудиться и пропасть, это нужно беречь в себе и защищать. Потому что это – человеческое, а не сверхчеловеческое или выхолощено-демагогическое. Потому что по этим нитям рода, народа, Родины течёт чистая энергия нашей жизни, из них ткётся ткань, отделяющая нас от тёмной бездны, и в соотношении с личным чувством возникает понимание чувств другого человека – так прорва медленно затягивается, и жизнь возвращается на круги своя.

Всё это относится не только к мучительной ситуации на Украине, где живут мои равно родные украинские и русские близкие люди, но и к общему состоянию пространства, к чудовищной смуте, которую уже давно и целенаправленно сеют в душах и головах, истончая ткань жизни до прозрачности... А где тонко – там и рвётся.

И не дай Бог на слова пушкинского Священника *“Пойдём, пойдём...”* – услышать ответ: *“Отец мой, ради Бога, // Оставь меня!..”* Тогда останется только скорбно повторять: *“Спаси тебя Господь! Прости, мой сын...”*

2. Соблазн хаоса

Стремясь в меру своих скромных сил осмыслить тревожные события глобального масштаба, обращаешь внимание, прежде всего, на то, что в подавляющем большинстве кризисных ситуаций ставка делается на хаос: на создание дисбаланса, рассогласованности, на запуск процессов рассыпания организующих нормальную жизнь структур государства, общества, культуры.

Причём хаос подаётся уже далеко не в привычном нам качестве временной издержки, неизбежной при переходе от одной организующей структуры к другой, а в качестве состояния базового, естественного и даже желанного уже хотя бы потому, что оно не обременяет индивидуума или сообщество даже минимальными ограничениями – не говоря о самых глубоких, нравственных. То есть традиционное противостояние хаоса и порядка в нашей жизни постепенно и неуклонно восходит к своей изначальной, философской, космической сущности.

Чем же хаос стал вдруг привлекателен настолько, что даже явная угроза самоуничтожения воспринимается сегодня как нечто несущественное? Почему ему шаг за шагом уступает территорию культура, сдаются искусство, образование, наука? Почему становятся нежизнеспособными и рассыпаются формы, в которые вложено столько сил и жизни? Почему мы, казалось бы, благодаря культуре способные предвидеть элементарные последствия своих поступков, ежедневно, по мелочам, прельщаемся его соблазнами? В поиске ответа на этот вопрос, прежде всего, следовало бы обратить внимание на энергичную сторону происходящих процессов, – возможно, точки опоры и основы для понимания происходящего обнаружатся именно здесь.

Наша жизненная энергия изначально структурирована слабо, в ней достаточно чётко намечены только базовые смыслы: выживания, продолжения рода и примитивной самоорганизации. Вне границ культуры эта энергия, по сути, проявляется как агрессия. И именно культура, подхватывая и упорядочивая, связывая в жизнестроительные формы неструктурированный поток энергии, уменьшает и в идеале стремится свести на нет разрушительный потенциал и превратить его в потенциал строительный. А это процесс действительно космического порядка, прямо восходящий к духовной сущности человека, предназначенному человеческого сознания.

Связанная энергия при этом как бы раздваивается: частью удерживает, обслуживает уже имеющиеся культурные формы, частью направляется на их развитие – локальное разрушение, переформирование, строительство новых форм. И в идеале её должно хватать и на то, и на другое.

Тонкий баланс между свободой и организацией невозможно сохранять неизменным в принципе, установив его раз и навсегда, как невозможно удерживать раз и навсегда равновесие в движении. Каждый новый шаг требует нового согласования сил, поддержания баланса, нарушение которого неизбежно чревато либо ужесточением форм и подавлением энергии (угасанием жизни), либо разрушением форм и соскальзыванием в хаос.

Центральным, ключевым здесь является ныне выведенное из обращения – хочется надеяться, временно! – золотое понятие “мера”. Оно изъято практически отовсюду, и потому почти любое действие доводится до крайности, то есть до обретения прямо противоположного смысла, а потом наступает пора удивляться, почему *хотели как лучше, а получилось...* В общем, не получилось. Чувство меры, приоритет меры, наука меры, степень её тонкости и высота (глубина) – атрибуты гармонии, особенно в динамике, а их забвением или отсутствием точно маркируется хаос.

В периоды активного жизнестроительства хаос постоянно возникает то там, то здесь, но он всегда локален, мало того – необходим как строительный материал, как источник энергии, он является признаком нагнетания жизненной силы, её радостного избытка. Но если по какой-то, часто не известной нам причине жизненная энергия начинает уменьшаться, угасать, иссякать – сначала ужесточаются, костенеют формы, потом не под силу становится их поддержание, и из локального строительного хаос постепенно превращается в губительный и глобальный.

Следуя этой логике, можно сделать закономерный вывод, что хаос двулик: будучи соразмерным, он даёт материал и энергию для обновления, когда же его сверх меры, он становится спутником и атрибутом слабости.

И сегодня мы имеем дело со второй его ипостасью. Важно понять, почему он набирает силу, почему столь привлекательными для многих становятся его технологии, откуда возникает иллюзия, что им можно управлять и, — мало того! — возможно управлять миром с его помощью?

Ответ тоже нужно искать в энергийной плоскости. Хаос высвобождает связанную культурными формами энергию и тем самым создаёт иллюзию её избытка, иллюзию полноценной жизни, а его разрушительный смысл отодвигается на второй, третий, последний план: какая разница, потом упорядочим, потом выстроим, потом обуздаем... Но лавинообразное разрушение делает это “потом” всё более далёким и в итоге практически невозможным.

Хуже и беспомощней упования на “потом” могут быть только наивные мечты о том, что всё “само собой устроится” или “было ведь уже нечто подобное, но как-то же нормализовалось...” Хочется спросить: какой ценой? Но понятно, что вопрос это чисто риторический. Есть ещё прямо преступное “на наш век хватит”, но сейчас не об этом.

Опьянение энергией хаоса особенно заразительно для тех, кто прозябает в обыденности, движется в надёжной “колее” повседневности, кто не создаёт, а с трудом поддерживает или только эксплуатирует культурные формы в их общепринятом понимании и осознаёт — или не осознаёт, что в принципе даже неважно, всё равно так или иначе переживает — дефицит именно этой, энергийной, созидательной, творческой стороны своего бытия.

Но запускается лавинообразное разрушение всё-таки сверху, с верхних этажей культурной иерархии. Из тех культурных слоёв, где, по идее, как раз и должно происходить смысло- и формотворение. Соблазн хаоса срабатывает, в первую очередь, там и приходит оттуда — и на это тоже есть свои веские причины.

В периоды относительного (а много чаще — мнимого) благополучия, когда спасительная жизнетворящая необходимость культуры перестаёт быть очевидно насущной, соблазну хаоса не поддаться трудно. Он — новизна, он — свобода от форм и обязательств, наконец, он — дешёвая избыточная, бьющая через край энергия. Ну, как от всего этого отказаться? Зачем связывать драгоценного себя культурными и нравственными обязательствами, тратить силы на изучение, освоение, поддержание и развитие того, что уже есть, что наработано, а вдруг и отработано, вдруг уже не годится, и есть шанс открыть или сотворить что-то доселе не известное? Ну, и остаться в истории, культуре, литературе... Да, вот это — остаться, отметиться, запечатлеть своё имя...

И личный хаос, например, художника, услужливо растиражированный столь же падкими на новизну и “энергийность” различными средствами информации, захватывает новые и новые пространства жизни, становится соблазном для мирных обывателей, допуском и аргументом “за” при расшатывании норм, отказе от того, что выработано культурой за долгое время ценой многих жизней. И очень трудно, практически невозможно доказать такому “художнику” целесообразность, прикладной смысл культурных критериев и оценок, потому что практическая их значимость в периоды благополучия или просто “затишья” становится неочевидна.

А поскольку энергийная сторона бытия, во-первых, первична и, во-вторых, сугубо индивидуальна, только общественные и культурные институты и могут в таких случаях ставить заслоны разрушению — в общих интересах. И это — живая повседневность культуры, система отбора, утверждения, тиражирования форм, коммуникации по поводу новых смыслов... Или наоборот — постепенное снятие спасительных ограничений, умножение хаоса на погибель всем и себе под пламенные речи о полной свободе творческого поиска и самовыражения. Природа, особенно духовная, растрачена не терпит — и того, что сейчас рассыпается в хаос, потом, когда станет жизненно необходимо, уже не собрать.

Но сегодня мы имеем дело с процессами уже иной степени глубины и опасности. Ставка на хаос делается в глобальном масштабе. С одной стороны, это верный знак прекрасной осведомлённости тех, кто сознательно запускает процессы распада, о лавинообразном характере разрушения, о непреодолимом для массового обывателя энергийном соблазне, о кратковременной эйфории вседозволенности и её губительных последствиях. С другой — очевидный признак явной витальной слабости и ущербности деструктивных сил...

Впрочем, поскольку рассуждения о субъекте воздействия не входят в задачи этой статьи, остановимся на этом и перейдём к объекту – традиционной культуре и её нормам, которые так или иначе обеспечивают до сего дня выживание и развитие человеческих сообществ. Именно ей брошен вызов – её целесообразности, практической значимости, реальной ценности. Вызов брошен давно: ставка на хаос возможна только в том случае, если традиционные структуры в определённой степени уже расшатаны. Она требует длительной предварительной подготовки – постепенного размывания норм, принципов, разрушения институтов. И этот “подготовительный” период, так называемое “слабое влияние”, должен приходиться на относительно “беззаботное” существование, когда, как мы уже сказали выше, жизненная насущность норм, духовной традиции и культуры представляется неочевидной. В другие, трудные времена – не одолеть, не внедриться, но в “тучные” или просто спокойные – запросто, хотя и не быстро, исподволь. А после “слабого влияния” достаточно одного резкого толчка, не обязательно даже сильного – просто резкого, чтобы лавинообразно запустить хаос.

Если в этом ракурсе посмотреть на историю России определённых периодов (конец XIX – начало XX века, 1960-е – 1990-е), а потом на нашу современность, начало века XXI, станет понятно многое. Ну, во-первых, очевидная сила нации и устойчивости культуры. Это в плюсе, и немало. Во-вторых, столь же очевидно проступают опасные периоды и точки запуска хаотических процессов. А в-третьих – явно обозначается вектор сегодняшних перемен в культуре, науке, искусстве и образовании, настораживает и само нынешнее затишье, в котором вполне обоснованно нарастают напряжённость и тревога.

Что мы сегодня противопоставляем хаосу? Что можно в принципе ему противопоставить? И надо ли противопоставлять вообще, имея в виду глобальный характер и лавинообразность происходящего? Не смешно ли стоять на пути этой лавины с какими-то принципами, нормами, правилами?

Не смешно. Может быть, конечно, и страшно, но далеко не бессмысленно. Мало того: если ещё сохранены и действуют преимущественно традиционные ценности и нормы, культурные институты, всё нормально. Дело в нюансах – в особенностях сопротивления хаосу.

Соблазн хаоса – из соблазнов немалых. Культура, порядок – это всегда самоограничение и бремя, удел сильных и ответственных, их не так много, а должно быть достаточно, чтобы выстоять всем. Хаос делает ставку на рассыпание форм, но сам в состоянии воспроизводить только ремейки, симулякры, жалкие пародии смыслов. Это его следы, маркировка его территории. *Технологии хаоса* просты, не оригинальны и паразитируют на технологиях культуры, и поэтому о них надо говорить, называя вещи своими именами.

Хаос охотно вклинивается там, где в процессе развития традиции новая форма сталкивается со старой, и если они непримиримо противостоят друг другу, то обе теряют в этом противостоянии собственную суть. В любом случае, хаос следует ограничивать “строительной площадкой”, иначе он непременно выйдет победителем и начнёт захватывать новые пространства.

Если хаос противостоит организованному порядку – он, безусловно, победит. Потому что порядок – это и есть прямой объект его атаки. Логика проста. Чем разрушается форма? Энергией. Хаос зайдёт именно с этой стороны: высвободит связанную энергию, избавит от запретов и обязательств, подарит пьянящую эйфорию свободы самовыражения и вседозволенности действий. Эту энергию уже не запереть в готовые формы. В этом смысле готовые формы всегда проигрывают, держаться за них – значит, прямо подставляться под удар. Хаосу реально способно противостоять не порядок, но – порядочность как свойство духа и упорядочивание как принцип организации действий, умение создавать жизнеспособные формы для обуздания энергии, для разворота её от самоуничтожения к со-творению.

Возможно, стоит активнее осмысливать довольно простые технологии хаоса, и конкретно – в сфере литературы, потому что вот это “тревожное затишье”, в котором мы сегодня пребываем, на самом деле и есть настоящее сражение. Именно сейчас определяется, устоит ли жизнетворящая традиция и её культура. Именно сейчас хаос внедряется в базовые смыслы и несущие конструкции общества. Ни обличение его, ни открытие противостояние ему не принесут желаемого результата, потому что технологиям разрушения должны противостоять технологии упорядочивания.

3. Генератор хаоса

Предмет, о котором пойдёт речь, прекрасно известен профессиональным манипуляторам, и в первую очередь, конечно же, тем, кто напрямую причастен к перестановке фигур на Великой Шахматной Доске. Однако не мешало бы и всем, кто помимо воли вовлечён в эти игры, и особенно тем, кому в этих играх предназначена роль послушных марионеток или безвольных жертв, иметь представление о *генераторе хаоса*. Это позволит противостоять распаду или провокациям сознательно – ровно настолько, насколько возможно и посылно каждому в каждой конкретной экстремальной или бытовой ситуации.

В конце концов, исход любой глобальной “шахматной партии” зависит далеко не от самих “игроков” – в этих процессах есть ряд составляющих, которые возможно анализировать только постфактум, а есть и такие, которые анализу просто не поддаются. Итак, начнём. Едва ли мы откроем что-то новое – скорее, сфокусируем хорошо известное и, на наш взгляд, чрезвычайно актуальное в прикладном аспекте.

Смертоносному цинизму игроков, позволяющему ради победы, а иногда и просто ради игры “списывать в расход” десятки, сотни и тысячи человеческих жертв, всегда противостоит одно: животворящее сочувствие. И то, и другое свойство относятся к чувственной сфере личности. Чтобы далее не было терминологической путаницы, в пределах данной статьи условимся, что чувства – это долгосрочные, глубокие эмоции, а эмоции – короткоживущие, более поверхностные чувства.

Цинизм – следствие либо изначальной неразвитости, либо атрофированности чувственной сферы. Иногда, конечно, он может быть и защитной реакцией очень чувствительного человека, но в таком случае цинизм работает как маска или щит – и его легко “пробить”, достучаться до души и совести.

Способность к со-чувствию может быть результатом воспитания или природным свойством личности с развитой чувственной сферой – в этом случае человек способен не только к переживанию, но и к со-переживанию, то есть к восприятию и проживанию чужих чувств, как своих собственных, ну, или почти как своих. Человек, способный на со-чувствие, несомненно, по степени своего эволюционного развития находится намного выше того, кто вовсе не ощущает чужую боль или радость. Он способен к пониманию, общению, восприятию иного и сотрудничеству с ним, и значит, у такой личности больше возможностей мирного сосуществования с себе подобными и всем разнообразным окружающим миром. Но у этого прекрасного свойства человеческой природы есть и своя роковая слабость, о которой нужно знать и помнить.

В сложной структуре человеческой психофизики чувства – одна из самых сильных и в то же время самых уязвимых сфер. Спектр ощущений достаточно чётко определён для нас природой и привязан к конкретным органам чувств. В сфере мыслей мы либо пользуемся уже известными формулами (в конечном итоге, словесными, речевыми), или же создаём новые – тоже достаточно чётко фиксированные. То есть и ощущения, и мысли имеют определённую форму, и эти области психофизики можно условно отнести к корпускулярным. Чувства же имеют иную – волновую – природу и охватывают всего человека целиком. Сильное глубокое переживание способно изменить и даже “отменить”, “выключить” ощущения, а уж о способности чётко и последовательно мыслить тут и говорить не приходится. Чувства заставляют нас стремительно действовать или беззаботно расслабляться, они могут блокировать высокие общечеловеческие ориентиры и включать низкие животные инстинкты.

Так что расслабьтесь, любители закулисных тайн: миром правит вовсе не информация. Её легко скомпилировать, подменить, исказить, выдать открытую вранью дезу. Миром правят чувства, а чаще даже эмоции. Они подлинны. Они являются главным капиталом, регулятором и катализатором жизненной энергии, они придают жизни ритм, яркость, остроту вкуса (при желании список можно продолжить). Их ищут, пробуждают, растрачивают... Они мощный резерв стремительной мобилизации и активизации – и возможность столь же стремительного, взрывного самоуничтожения.

Эмоциональная природа людей различна: есть те, кто непоколебим, куда “гром не грянет”, а есть и те, кому для крайней степени волнения достаточно ничтожного повода, даже собственной неосторожной мысли. У кого-то

чувственная сфера хорошо развита, и он способен переживать тончайшие чувства, а кому-то доступны только примитивные и грубые. Кто-то проникается чувством медленно, но глубоко – а кто-то стремительно и поверхностно. Кроме того, существенно различаются эмоциональные сферы мужчин и женщин... Мир чувств можно описывать бесконечно, но в данном случае нас интересует прикладной аспект, поэтому будем говорить о наиболее общих и в данный момент наиболее значимых вещах.

Именно чувственная сфера является зоной наибольшей уязвимости, объектом агрессии и предметом манипуляций. При помощи грамотного воздействия извне именно на чувственную сферу возможно существенно перестраивать психофизику целиком, генерировать психозы, истерии и депрессии, в том числе массовые. И эта возможность активно используется теоретиками и практиками рукотворного хаоса. Достаточно посмотреть, как создают неизгладимые впечатления при помощи многократного тиражирования шокирующих кадров и роликов.

В основе манипуляции массами лежит глубокое понимание волновой природы чувств. Эмоция, грамотно направленная в массу людей, в силу своей волновой природы, во-первых, резко усиливается, приобретает совершенно иной масштаб, а во-вторых, тут же становится коллективным переживанием, то есть объединяет совершенно разных, зачастую вовсе не знакомых друг другу людей в единое целое, нивелируя психические особенности каждой личности. И этой разрушительной волне уже очень сложно, а зачастую и просто невозможно противопоставить индивидуальную осмысленную волю.

Именно поэтому в арсенале современных “цветных” революций так много театральности, откровенной театрализации, умелых постановок и вполне примитивных “культмассовых” приёмов – театрализируются (ритуализируются) даже реальные убийства, в том числе и массовые, что для нормального, способного к со-чувствию человека выходит за пределы понимания очень далеко, тогда как для “игрока” это всего лишь грамотный ход в очередной партии.

И возможно подобное только потому, что в большинстве своём люди призывают “Ну, давайте всё-таки над этим серьёзно подумаем!” предпочитают “праведный гнев” или “безудержное ликование” по любому поводу и профессионально предоставляемому поводу. Ведь мыслить – это, в общем-то, нелёгкий труд, а чувствовать – см. выше. К тому же информацию для осмысления можно тасовать сколь угодно, прятать в рукав, подкладывать в нужный эмоциональный момент, – ну, в общем, вести себя в этой игре, как подобает порядочному карточному шулеру. Да и в соревновании мысли и чувства мысль, как ни горько это признавать, проигрывает. Эмоциональное впечатление всегда сильнее логического убеждения, эмоциональная волна способна разбить изнутри практически любую мысльформу.

Чувство, как волна, существует в рамках определённого цикла. То есть проходит подъём, пик, спад – и, значит, соответственно, волну можно пере хватывать и гасить “на взлёте”, можно подхватывать и усиливать или ослаблять, можно давать ей угаснуть естественным образом. У манипуляций могут быть две стратегические цели: “слить” накопившиеся чувства, эмоции (“выпустить пар”), чтобы они не нашли реальный выход вовне, либо возбудить их сверх меры и направить в нужное русло. Соответственно, на разных этапах агрессии хаоса технологии используются разные.

Если эмоциональная энергия сама по себе накапливается и чувство не находит выхода, разрядки, идёт в разлад с реальностью, вариантов может быть два: либо эмоциональный взрыв, либо фрустрация – и оба варианта одинаково разрушительны. Естественно, манипуляторам выгоднее фрустрация – “выгорание” эмоций внутри психофизики ослабляет или вовсе разрушает личность, повергает её в хаос. Вспомните, когда по ТВ шли бесконечные массовые разоблачения всего и вся без малейшей возможности как-то исправить ситуацию – для какого периода это было характерно? Да, правильно, именно тогда, когда массовое самосознание начало медленно “выздоровливать” от психологической чумы 90-х.

Для нежелательного “взрывного” варианта, когда накопленное недовольство готово вырваться наружу, предусмотрена, как говорят психологи, “канализация” – возможность безопасно “выпустить пар” в бесконечных бесплодных дебатах и в специально отведённых для этого местах. Ну, и так далее. Вообще, если с данной точки зрения попробовать глубоко осмыслить последние

два десятилетия прошлого века, можно увидеть массу интересного! Это, конечно, далеко не новый тип войны, но ведь она ещё не закончена, и для победы уроки её нужно учить обязательно.

Если эмоций недостаточно для повышенной активности, как следует “подогревается” реальное чувство, направляется в нужную сторону и доводится до “кипения”. Так появляются “майданы” (речь далеко не только об Украине). В основе этого затяжного кошмара лежат два абсолютно реальных, подлинных переживания: недовольство происходящим в обществе и одинокое бессилие перед навязанными обстоятельствами. Просто эти чувства искусственно подняты на такую высоту, где осмысленный диалог невозможен, где пожары, взрывы и убийства не считаются запредельными способами решения проблем, где снесены все культурные и нравственные запреты, где мир личности рассыпан и погружён в хаос. И попробуйте объяснить людям, что они действуют по воле сил хаоса! Нет: они действительно реально чувствуют подлинную общность и искренне стремятся к восстановлению справедливости! И потому пойдут до конца...

Вот только подобная искусственно поднятая волна всегда и неизбежно обрушивается в хаос, потому что подобная *возгонка* разрушает личность, срывает культурные скрепы, сносит нравственные запреты. То же напрямую относится и к обществу: выздоравливает оно после подобного эмоционального шторма очень долго, и, в общем-то, не факт, что у него это обязательно получится...

Усиленное формирование массового сознания путём снижения уровня образования и откровенной агрессии СМИ, канализация эмоций, искусственная фрустрация, целенаправленное создание массовой истерии, театрализация политики и её ТВ-тиражирование – весь этот военный арсенал XXI века направлен на подавление и смертельную растрату высших человеческих чувств, драгоценной жизненной энергии. *Генератор хаоса* работает на полную мощность – и что может противопоставить ему общество, которое способно к развитию, хочет быть, умеет со-чувствовать, со-переживать и со-трудничать?

Естественно, *генератор хаоса* – не какой-то конкретный прибор с проводами и микросхемами. Это комплекс мер воздействия на чувственную сферу, направленный на создание управляемого коллективного переживания, в процессе которого наиболее эмоционально уязвимые личности создадут такой резонанс, что и мыслящие люди утратят способность мыслить здраво и принимать взвешенные решения. В этот комплекс входят и всем известные примитивные “кликучи”, и система СМИ, уже давно и откровенно паразитирующая на эмоциях, и современные интернет-пространства безграничного сетевого общения... И если уж для “игроков” человеческие жизни не значат ничего, то о разрушении личности можно даже не упоминать: кому это интересно, когда на кону такие ставки?

Реальные шансы победить в противостоянии есть у того сообщества, культура которого постоянно укрепляет связь между чувственной и мыслительной сферами. Это даёт возможность без разрушения выдерживать длительные эмоциональные нагрузки, “гасить” гипертрофированные эмоции, противостоять внешним манипуляциям и двигаться к собственным целям.

По большому счёту, воспитанием и гармонизацией чувств всегда занимается искусство, а чувствознанием – гармоничным неразрывным союзом чувства и мысли – конкретно литература. Союз чувства и мысли, реализуемый в словесной форме, имеет колоссальную силу и прочность. А знание и понимание собственной чувственной сферы делает человека практически неуязвимым для манипуляций. И вот что интересно и показательно: сложившаяся система образования практически не даёт вступающему в жизнь человеку представления о чувственной сфере, её особенностях и закономерностях. Не учит переживать, соединять чувства и мысли, противостоять эмоциональной агрессии, определять момент, когда эмоциональная волна перерастает в разрушительное цунами.

К числу наиболее беззащитных перед эмоциональной манипуляцией относятся личности маргинальные, социально не защищённые или не состоявшие – в их почти уже утратившей смысл жизни вдруг вспыхивают новые яркие чувства, буквально из ниоткуда появляются надежды, а уж ощущение собственной востребованности и значимости и вовсе заставляет безоглядно ринуться в пучину событий. Они, как спички, которыми зажигают костёр, и сгорают они, кстати, так же быстро, как спички.

Совершенно беззащитны подростки и молодёжь, чувственная сфера которых находится в процессе формирования, а ценностная иерархия, определяющая границы личной свободы, ещё не окрепла. Они тоже первыми безоглядно бросаются в костёр событий и либо гибнут, либо живут дальше с обугленными, атрофированными чувствами.

Слабо защищённая группа – это интеллигенция, особенно творческая. А здесь причиной уязвимости как раз является развитая эмоциональная сфера, живая и драгоценная способность к со-чувствию и со-переживанию прежде и более, чем к осмыслению. Сильное впечатление вызывает мощный дисбаланс, а дальше – ловкость манипуляторов, играющих на чувстве справедливости, жажде новизны, обманутых ожиданиях, эгоизме, стремлении к духовной власти... Интеллигенцию принято ругать или превозносить, но поскольку именно она занимается сложнейшим и очень рискованным по сути процессом – осмыслением чувств, – её следовало бы как раз с точки зрения прагматики беречь и защищать как духовную производительную силу.

Впереди нелёгкие времена – времена перемен и испытаний. Крепость культуры в этой ситуации определяется многими факторами, в частности, **состоянием традиции**, воспроизводящей ценностные основы и нравственные ориентиры; **эмоциональным состоянием общества**, причём нужно чётко понимать, что подъёмы и спады объективны, но ими возможно управлять как изнутри, так и снаружи; **качеством образования**, от которого зависит, в конечном итоге, способность каждого человека противостоять манипуляциям и агрессии; **направленностью СМИ**, формирующих тот или иной уровень массового сознания; **вниманием к группам риска** – их защиту обществу следует обеспечивать в первую очередь. Не грех вспомнить советский опыт: все эти инструменты использовались очень успешно и определили, в частности, сохранение страны и культуры в последующие тяжёлые десятилетия.

Когда писались эти заметки, в поле зрения автора появились два примечательных документа: высказывание Александра Невзорова “У русской литературы закончился срок годности” (<http://www.politforums.ru/other/1401553086.html>) и статья в “Газете.RU” “Советские мультфильмы, которые нужно запретить” (http://www.gazeta.ru/lifestyle/style/2014/05/a_6053425.shtml?fb_action_ids=321262918025583&fb_action_types=og.recommends) – просто замечательные иллюстрации агрессивного пренебрежения эмоциональной сферой, воспитанием чувств (сознательно или из полного непонимания – судить не берусь). Ну, и очередная новость о самоубийстве школьников после ЕГЭ (<http://www.vesti.ru/doc.html?id=1635026&1635026>)...